

УДК 2 : 32 (479)
ББК 86 + 66 (24)
Р 368

Р 368 Религия и политика на Кавказе. Материалы международной конференции. / Ред. А.Искандарян. – Ереван, КИСМИ, 2004. – 120 с.

Фото Дато Мдзинаришвили / Patkerphoto
Дизайн студии МАТИТ / www.matit.am

Religion and Politics in the Caucasus. Conference Papers. / Ed. A.Iskandarian. – Yerevan, CMI, 2004. – 120 p.

Photo by Dato Mdzinarishvili / Patkerphoto
Design by MATIT / www.matit.am

ББК 86 + 66 (24)

ISBN 99930-78-42-5

© КИСМИ, 2004
© 2004 by Caucasus Media Institute

■ АРМЯНСКАЯ АПОСТОЛЬСКАЯ ЦЕРКОВЬ ВО ВЗАИМОТНОШЕНИЯХ АРМЕНИИ И ДИАСПОРЫ

Эдуард Мелконян

Одним из специфических факторов в общем процессе становления и развития Республики Армении, на фоне других новообразованных государств на постсоветском пространстве, явилась армянская диаспора. Образовавшаяся в результате проводимой властями Османской империи политики геноцида и депортации армян в Западной Армении и Армянской Киликии в годы Первой мировой войны, армянская диаспора к концу 1980-х гг. была представлена многочисленными общинами в различных странах Европы, Америки и Среднего Востока. Отчужденная на протяжении прошлых семи десятилетий от Советской Армении, она с тем большим желанием проявила готовность содействовать скорейшему разрешению множества проблем, вставших перед независимой Арменией. За прошедшие 12 лет ее немалые в первую очередь финансовые возможности были направлены на осуществление как сугубо благотворительных программ, так и программ по развитию отдельных сфер жизнедеятельности армянского общества. Не имея целью сколько-нибудь подробный анализ этой деятельности диаспоры в Армении, укажу лишь на две ее характеристики. Первое – по своим целевым установкам она, в целом, являлась составной частью аналогичных, но более масштабных программ содействия Армении (как и другим новообразованным государствам), осуществляемых странами Запада и международными организациями. Второе – эта деятельность носила, с точки зрения отношений Армения-диаспора, односторонний или однонаправленный характер, поскольку адресатом и пользователем выступала лишь Армения, армянское общество.

Наряду с этим, однако, новые реалии давали возможность для решения задач и иного рода. Такие задачи имели общенациональное значение и важность, а потому в их решении были в равной мере заинтересованы обе стороны – и армянское государство, и диаспора.

К числу таковых следует отнести вопросы, относящиеся к Армянской Апостольской Церкви, и в первую очередь восстановления ее единства. Приоритетность и актуальность этой задачи обусловлена ролью Армянской церкви как в истории армянского народа в целом, так и во взаимоотношениях Армении с диаспорой.

Доминантное значение церкви в ценностной иерархии армянского народа является следствием той уникальной роли, которую она сыграла в его истории. Само принятие христианства как государственной религии в 301 г. в период царствования Трдата III явилось действенным средством защиты от культурной экспансии одной из мощных держав этого региона – сопредельной Персией. Этнозащитная функция церкви стала еще более значимой, когда спустя менее девяти десятилетий, в 387 г. произошел первый раздел Армении между Персией и Византией, и армяне лишились собственной государственности. В создавшейся ситуации армяне вынуждены были ответить на новый вызов, на этот раз уже со стороны христианской Византии. Именно этой цели служило неприятие Армянской церковью решений Халкедонского собора 451 г., завершившееся окончательным отделением ее от имперской Византийской церкви в VI в. С этого времени и на протяжении последующих долгих веков, в самой Армении и в зарубежье именно Армянская церковь становится единственной объединяющей силой, наиболее действенным и, по сути, единственным средством самоорганизации армянского народа, и потому в равной мере символом его как вероисповедного, так и национального самосознания.

Армянская церковь, сумевшая сохранить на протяжении веков свою независимость и единство – несмотря на постоянные гонения иноземных правителей-иноверцев в Армении и на прозелитизм иных христианских церквей (главным образом, католической), как в Армении, так и в армянском зарубежье – все же не смогла избежать воздействия грандиозного социального эксперимента, поставленного Лениным в России в 1917 г. При всей неоднозначности его последствий для народов СССР, его влияние на отношения

последних с их соотечественниками за рубежом было однозначно негативным. Возведенный в ранг идеологического и политического императива принцип «кто не с нами, тот против нас» исключал саму возможность альтернативы.

Основными оппонентами властей Советской Армении в диаспоре выступили армянские политические партии. Рожденные в конце XIX в. в ходе национально-освободительной борьбы против турецких правителей, они и в диаспоре продолжили играть роль основных и, по сути, единственных носителей и хранителей национально-политических идеалов армянского народа. Перестав быть в диаспоре политическими партиями классического типа, именно в сохранении идеалов они видели свое предназначение и свое отличие от всех других организаций армянского зарубежья. При этом, однако, каждая из них была уверена в истинности или правоте именно своего видения путей и способов достижения этих идеалов.

Партия «Дашнакцутюн» (бывшая у власти в Первой Республике Армении в 1918-1920 гг. и вынужденно уступившая ее коммунистам), оставаясь верной своей антисоветской направленности, придерживалась жесткой и непримиримой позиции в отношении властей Армении. Две другие партии («Рамкавар» и «Гнчак»), посчитав советскую власть «меньшим из зол», поскольку отсутствие полного суверенитета компенсировалось внешней безопасностью, ограничились ролью «мягкой оппозиции»¹.

Сами эти позиции (безотносительно к их различиям) являлись для партий как целью их этнополитической деятельности, так и средством самоутверждения, если не сказать, оправдания своего существования в качестве таковых в диаспоре. В обоих случаях эти партии нуждались в поддержке как можно большего числа сторонников, в том числе и в лице различных армянских организаций. И, в первую очередь, Армянской Апостольской Церкви, как наиболее авторитетного, всеми признанного национального института.

1 Э. Мелконян. Армянская диаспора в ее сосуществовании с внешним миром /1920 – 1950-е гг./ . Вестник общественных наук НАН Республики Армения, № 2, 2002, с. 70-73.

В начавшейся борьбе за влияние на церковь, очевидно, наиболее высокие шансы имела «мягкая оппозиция». Власти Советской Армении, с первых же дней жестко контролирующую деятельность главы церкви – Католикоса всех армян с резиденцией в первопрестольном св. Эчмиадзине – стремились максимально использовать его для распространения своего влияния в диаспоре, в том числе и в своем противостоянии с «Дашнакцутюн». Естественно, что именно подобную направленность имели и многие предписания, направляемые из св. Эчмиадзина в адрес зарубежных епархий. Со своей стороны, «жесткая оппозиция» в своих усилиях нейтрализовать подобную политику советских властей небезуспешно использовала проводимую в Армении политику воинствующего атеизма – закрытие и разрушение церквей, репрессии против священнослужителей и др., вследствие чего не только была парализована деятельность церкви в стране, но и само руководство св. Эчмиадзином зарубежными епархиями приобретало весьма условный характер. Именно на этом и была построена кампания по отторжению церковью диаспоры от св. Эчмиадзина. Начало этому было положено в США, когда в Нью-Йорке в 1933 г. глава местной епархии архиепископ Гевонд Дурян был убит членами «Дашнакцутюн» за лояльное отношение к Советской Армении. Вслед за этим начался (пока еще только в США) постепенный рост числа церквей, не признающих верховную юрисдикцию св. Эчмиадзина. Процесс этот, как и следовало ожидать, встретил сильное сопротивление и осуждение большинства американских армян. Психологически не была готова к нему и значительная часть сторонников самой «Дашнакцутюн». Идя на этот шаг, они, вольно или невольно, не только отчуждались от одной из высших ценностей армянского бытия – св. Эчмиадзина, но и обрывали последнюю, пусть даже символическую, связь с родиной.

С началом Второй мировой войны политические партии диаспоры, по примеру союзников в войне против нацистской Германии, конфронтации предпочли всемерное содействие принимающим странам, а также народу Советской Армении. Однако их противостояние возобновилось с тем большей силой с началом

холодной войны. В условиях все усиливающегося антисоветизма политика «Дашнакцутюн» была обречена на успех. Кульминацией явились выборы главы Киликийского Католикосата Армянской церкви (признающий духовное главенство св. Эчмиадзина, он был основан в Армянской Киликии после возвращения оттуда в Эчмиадзин в 1441 г. престола Армянской церкви), который с 1930 г. располагался в пригороде Бейрута – Антилиасе и к тому времени имел в своем подчинении епархии в Ливане, Сирии и на Кипре. После кончины его главы в 1952 г. партия «Дашнакцутюн» вознамерилась взять Киликийский Католикосат под свой контроль и тем самым противопоставить его св. Эчмиадзину в качестве духовного и административного центра Армянской церкви в диаспоре. Неорганизованные действия оппонентов (в Армении и диаспоре), а главное - неприкрытая силовая поддержка со стороны ливанских властей, обеспечили победу креатуры «Дашнакцутюн» на состоявшихся в 1956 г. выборах. Новое руководство, как и ожидалось, с самого начала повело курс на фактическое отделение от первопрестольного св. Эчмиадзина – переподчинение себе некоторых из действующих и основание новых епархий (одной из первых – в США), самостоятельное и равное со св. Эчмиадзином представительство в экуменических движениях и др.

Разделенность армянского народа между двумя противоборствующими социально-политическими мирами, между Советской Арменией и диаспорой, с неизбежностью обусловила политическое размежевание в самой армянской диаспоре. Этого размежевания не избежала – не могла избежать – и Армянская церковь. Ее раскол был результатом не каких-либо догматических расхождений, а различий в позициях политических сил диаспоры по отношению к Советской Армении. (В 1921 г. по аналогичным причинам в городе Сремски Карловицы (Югославия) была основана «Русская зарубежная церковь» - произошел так называемый Карловацкий раскол). В свою очередь, с организационным разделением Армянской Апостольской Церкви завершился процесс институционального оформления самого политического размежевания.

Речь идет о явлении, знакомом каждому, кто сколько-нибудь близко соприкасался с жизнью армянских общин, особенно в таких городах, как Нью-Йорк, Лос-Анджелес, Монреаль или Торонто. Именно здесь можно наблюдать параллельное существование двух церковно-политических общин или систем с симметричной структурой. Основными структурообразующими элементами одной являются партия «Дашнакцутюн» и епархии Киликийского Католикосата, другой – партии «Рамкавар» и «Гнчак» и епархии св. Эчмиадзина. В состав каждой из них входят различного рода организации (культурные, молодежные, благотворительные и пр.), школы, СМИ и тому подобное. Применение к этим образованиям термина «система» не случайно, поскольку им присуща четко иерархизированная структура, функциональная взаимозависимость всех составляющих элементов, способность к самоорганизации и адаптации в различных социокультурных средах.

Примерно до середины 1960-х гг. взаимоотношения между этими двумя общинами носили весьма конфронтационный характер. В последующем, вследствие своеобразного разделения сфер влияния, они приобрели форму «мирного сосуществования» при строгой лимитированности связей, даже на уровне межличностного общения. В этом смысле показательна история одного бракосочетания, которую я наблюдал в Нью-Йорке. Жених и невеста были прихожанами армянских церквей двух различных епархий, но главное – жених был деятелем «Дашнакцутюн», а дядя невесты – одним из иерархов Эчмиадзинского Католикосата, изъявившим, к тому же, желание лично совершить обряд венчания. Интрига была в том, в церкви какой епархии и кто будет венчать? В результате долгих согласований было найдено компромиссное решение. Венчание совершил дядя невесты, но в церкви Киликийского Католикосата. Сам же глава Киликийской епархии, который и должен был совершить этот обряд в своей церкви, очень кстати отсутствовал в городе².

2 Наряду с отмеченными церковно-политическими, в диаспоре существуют и две другие, сформировавшиеся в XIX в. и значительно уступающие им по своей численности, сугубо конфессиональные общины армянских католиков и протестантов. Структура этих двух общин в целом аналогична остальным общинам, но с одним весьма принципиальным отличием – изначальным отсутствием в них политических партий.

Говоря об организационной разделенности Армянской Апостольской Церкви между двумя отмеченными системами, следует подчеркнуть, однако, что для армян диаспоры она, тем не менее, продолжает оставаться высшей ценностью, первейшим средством этнической самоидентификации. Показательно в этой связи, что в тех городах, где действуют церкви только одного из Католикосатов, их прихожанами являются все местные армяне. Другое дело, что их участие в различного рода организационных структурах подобных церквей обусловлено принадлежностью к соответствующей церковно-политической общине. Что же касается многих американских или французских армян третьего и следующих поколений, индифферентных к ассоциирующейся с политическими партиями общинной деятельности, церковь – в этом случае именно св. Эчмиадзин – является единственной связью с «материнской» культурой.

Со св. Эчмиадином связывались и все надежды на восстановление единства церкви. Примечательно, что в качестве удобного «места и времени» для начала диалога был избран все тот же Нью-Йорк, колыбель схизмы. Воспользовавшись прибытием туда в 1968 г. Католикоса всех армян Вазгена I для освящения кафедральной церкви св. Вартана, глава местной епархии архиепископ Торгом Манукян (с 1990 г. Иерусалимский Патриарх), пригласив главу Киликийской епархии в США принять участие в намеченных торжествах, предложил также начать обсуждение путей восстановления единства этих двух параллельно существующих в одной стране епархий. Ответ, как это не трудно было предугадать, был отрицательный. Безрезультатными остались и все другие подобные инициативы св. Эчмиадына, несмотря на состоявшиеся в последующие десятилетия встречи между представителями двух епархий и обсуждение ими некоторых проектов. Руководство отколовшегося Киликийского Католикосата под разными предлогами не желало переходить от слов к реальным делам³.

3 Documents on the Schism in the Armenian Church of America. St. Vartan Press, New York, 1993.

Основным оправданием такой позиции служило то, что, несмотря на заметное оживление религиозной жизни и снятия ряда ограничений на деятельность церквей, тем не менее, св. Эчмиадзин продолжал быть подконтрольным советским властям, а сам СССР оставался тоталитарным государством, враждебным странам западной демократии. Казалось бы, следуя этой логике, распад Советского Союза в 1991 г. и переход к демократическим принципам построения и управления обществом должен был снять все препятствия на пути к восстановлению единства Армянской церкви.

После обретения независимости новое руководство Армении стало активно налаживать отношения с диаспорой, с самыми различными ее организациями. Однако было бы большим преувеличением говорить, что вопрос о церкви, включая вопрос о ее воссоединении, был более или менее актуален в то время. Он и не мог быть таковым на фоне событий в Нагорном Карабахе, массовой волны беженцев из Азербайджана, энергетической и транспортной блокады страны, резкого падения уровня жизни и ряда других явлений. Ситуация резко изменилась в 1994 г. в связи с болезнью, а затем и кончиной Католикоса всех армян Вазгена I, когда встал вопрос об избрании его преемника.

Для армян, как и для других народов, не имеющих собственной государственности, избрание главы церкви всегда имело огромное значение. Личность Католикоса, его интеллектуальные, организаторские, и, скажем так, дипломатические способности, нередко играли существенную роль в решении жизненно важных для народа вопросов. Примером тому – Католикосы Геворг VI и Вазген I, которые на протяжении более полувека (1941–1994), благодаря своей гибкой политике, смогли не только защитить интересы армянской церкви в условиях советской действительности, но и способствовали ее постепенному возрождению, превратив св. Эчмиадзин в один из немногих механизмов общения армян диаспоры с родиной.

В этом контексте обретение Арменией независимости, провозглашение принципа отделения церкви от государства и, в силу этого сведение функций церкви к сугубо религиозным, казалось, должно

было привести к снижению ее значимости как социального института. Однако новые реалии означали и новые возможности для церкви, и новые ожидания от нее со стороны общества и государства. Среди ожиданий особо следует отметить уготованную церкви роль в деле духовного и морального возрождения народа, его приобщения к национальным ценностям, противодействия хлынувшим с страну различного рода сектам, наконец, насаждения духа истинного патриотизма. Молодое государство на трудном этапе становления рассчитывало на помощь церкви и потому не могло быть безучастным к выбору его главы. Но было и еще одно, особо знаменательное обстоятельство: после кончины Вазгена I, впервые за долгие века, выборы Католикоса должны были проходить в суверенной Армении во главе с всенародно избранным президентом.

В этих условиях руководство Армении не замедлило обнаружить свою заинтересованность в предстоящих выборах: президент Левон Тер-Петросян за месяц до выборов прямо и недвусмысленно объявил о желании видеть в качестве главы церкви действующего Киликийского Католикоса Гарегина II⁴.

Реакция на это в Армении и в диаспоре была различной. Народ Армении в своем абсолютном большинстве не имел сколько-нибудь реального представления ни о самом Киликийском Католикосате, ни о расколе в Армянской церкви, ни о состоянии взаимоотношений между двумя церковно-политическими общинами в диаспоре. Иначе и не могло быть, учитывая взаимную отчужденность двух частей армянского народа на протяжении семи десятилетий. Ведь даже в 1980-х гг. выезжающим по официальным каналам за рубеж специально указывалось на недопустимость контактов с так называемыми «антисоветскими» организациями, в том числе и церквями Киликийского Католикосата. Граждане Армении в большинстве своем искренне скорбели по Католикосу Вазгену I и, поглощенные изнурительной борьбой за сколько-нибудь достойное

4 «Айк», 8 марта 1995 (на арм. яз.).

существование, весьма индифферентно восприняли слова президента.

Совершенно иной была реакция диаспоры, той ее части, включая членов и сторонников партий «Рамкавар» и «Гнчак», которая на протяжении нескольких десятилетий оставалась верной св. Эчмиадзину, ценой больших усилий и жертв противодействовала попыткам переподчинения церковью Киликийскому Католикосату. Для них позиция руководства Армении о предпочтительности избрания Католикосом всех армян именно Гарегина II, в их глазах – одного из главных идеологов схизмы, была не только непонятна. Они склонны были видеть в этом также и пренебрежение интересами той части диаспоры, которая даже в годы холодной войны не отвернулась от родины – Советской Армении, а ныне всемерно содействовала становлению Республики Армении. Кроме того, им казалось, что это выбор в пользу не только Киликийского Католикосата, но, тем самым, и партии «Дашнакцутюн» – основного оппонента теперь уже и властей Армении. (Следует отметить, что позиция этой части диаспоры была донесена до армянского общества через издающуюся в Ереване газету «Азг», выражающую точку зрения партии «Рамкавар».) Негативно отнеслись к предложению президента и служители церковью св. Эчмиадзина в самой Армении; впрочем, их позиция практически не была озвучена во избежание нежелательного противостояния с властями.

Подобная реакция на слова президента была предвидима, и то, что они, тем не менее, были сказаны, свидетельствовало о наличии у него веских к тому оснований. Для понимания мотивов, которыми руководствовался президент Тер-Петросян, прежде необходимо обратиться к ситуации, сложившейся к тому времени в Армении. Политические организации диаспоры (партии «Дашнакцутюн» и «Рамкавар») возобновили свою деятельность в Армении уже в 1990 г., в преддверии окончательного развала СССР. Не имея в стране собственных структур, они, благодаря своей активной деятельности, вскоре оказались в числе ведущих политических сил страны (после партии власти - Армянского общенационального

движения (АОД)). Подобный рост популярности, по-видимому, был неожидан и для самих партий, точнее для их функционеров из диаспоры. Введенные в заблуждение симпатиями к их партиям со стороны некоторой части общества, они лишилась способности трезво оценивать реальность. Руководство «Дашнакцутюн» в своих амбициях решилось на действия, имевшие важные последствия во внутривнутриполитическом развитии страны.

На состоявшихся в 1991 году первых президентских выборах победа кандидата от АОД Левона Тер-Петросяна была заранее очевидна всем. Тем не менее, «Дашнакцутюн», не имея своего, более или менее популярного в народе партийного лидера, все же выдвинула на выборы собственного кандидата и повела широкую кампанию в пользу его избрания. Новые власти Армении, уже отказавшиеся от советской системы управления обществом, но еще не сформировавшие демократические институты, проявили жесткое неприятие сколько-нибудь серьезных оппозиционных движений. Особое неприятие властей вызывали вернувшиеся из-за рубежа партии, никак не причастные к борьбе за обретение независимости и в то же время фактически руководимые своими структурами в диаспоре.

Радикализация отношения к оппозиции привела к тому, что власти Армении в конце 1994 г. ввели запрет на деятельность «Дашнакцутюн» в Армении и инициировали раскол партии «Рамкавар».

Но точку ставить было рано, вернее – невозможно. Армения и диаспора не желали, да и не могли отказаться друг от друга. Образно говоря, они уподобились рассорившимся братьям, которых некому было примирить.

Власти Армении, уверенные в правоте своей политики как внутри страны, так вне ее, изначально рассчитывали на безоговорочную поддержку со стороны диаспоры. Но вместо этого они имели ее явное или скрытое противодействие, и главным образом, со стороны все тех же политических партий и их структур. В этой ситуации власти

предприняли попытку нейтрализации этих партий непосредственно в самой диаспоре.

На концептуальном уровне задача состояла в обосновании нецелесообразности существования политических партий как таковых в диаспоре, их ненужности. Эта мысль наиболее четко и однозначно была выражена, как и следовало ожидать, самим президентом, в силу своей прошлой профессии склонного к теоретическим размышлениям.

В июне 1994 г. в Нью-Йорке на приеме, устроенном в честь председателя одной из известных организаций диаспоры – Армянской Ассамблеи Америки, прозвучало записанное на видеокассету выступление президента Армении. Высоко оценив содействие этой организации независимой Армении, он противопоставил ее «...многим организациям диаспоры, я особенно имею в виду политические партии, само существование которых сегодня анахронизм». И далее: «...партии должны рождаться, действовать и прекращать свое существование в Армении»⁵.

Можно было бы согласиться с этим тезисом, если придерживаться дефиниции партий, как политических организаций, стремящихся к власти с целью осуществления собственной программы развития страны. Очевидно, что политические партии армянской диаспоры, отличаясь от партий классического типа по многим параметрам (по своему национальному составу, целям, сферам деятельности и др.), не попадают под это определение. Однако подобного рода организации (безотносительно к тому, присутствует в их названии слово «партия» или нет) характерны для этнических меньшинств, образовавшихся вследствие политической эмиграции (известный пример – политические партии в русском зарубежье после революции 1917 г.). Армянский вариант этого явления имеет ту особенность, что указанные политические партии существовали в зарубежье еще до Первой мировой войны, до геноцида и депортации 1915 г., т.е. до образования диаспоры. С большой долей вероят-

5 «Азг», 9 июля 1994 (на арм. яз.).

ности можно полагать, что они не дожили бы до наших дней, если бы Первая Республика Армения (1918–1920 гг.) не сменилась бы Советской Арменией, из которой и вынуждены были эмигрировать все те же политические партии, если бы не было противостояния двух мировых систем в течение последующих 70 лет.

Сегодня, как известно, подобные политические институты (они широко представлены на Западе – этом своеобразном прибежище политэмигрантов) принято обозначать как этнополитические, а их деятельность, соответственно – как этнополитическую деятельность. Той самой деятельностью, которую не смог (или не захотел) разглядеть другой представитель власти Армении тех дней – министр иностранных дел В. Папазян. В своем докладе на съезде АОД в декабре 1994 г. он, в развитие идей президента, говорил: «В диаспоре политической жизни вообще не может быть. Она может быть только в Республике Армения»⁶.

Известно, однако, что в политике подобного рода рассуждения не самоцель, а средство обоснования практических действий. Действительно, власти Армении предприняли ряд конкретных шагов по отношению к политическим партиям в диаспоре, но без скольконибудь ощутимых результатов. Поскольку эти сюжеты выходят за рамки данной статьи, я ограничусь указанием лишь на один весьма показательный пример подобной деятельности. В августе 1994 г. официозная газета «Республика Армения» опубликовала воззвание некоей инициативной группы по основанию Армянского общенационального движения в диаспоре. Обрушив против политических партий диаспоры поток обвинений во враждебном отношении к властям Армении, авторы воззвания призвали к созданию в диаспоре, прежде всего в Лос-Анжелесе, новой политической идеологии. «Здоровые политические силы диаспоры, в сотрудничестве с лидером возникшего в Армении национального движения - Армянского общенационального движения, должны сегодня взять на себя ответственность. Во имя достижения этой

6 «Айк», 2 декабря 1995 (на арм. яз.).

цели сегодня объявляем об основании в Лос-Анжелесе Армянского общенационального движения в диаспоре».⁷

Было бы наивно полагать, что эта затея могла возникнуть без согласия властей Армении. Но в таком случае, как согласовать вышеприведенные заявления президента и главы МИД с подобной инициативой новоявленных калифорнийских аодовцев? По видимому, и сами власти не очень верили в успех этой затеи. Если же случилось бы маловероятное и вновь созданная организация стала бы реальной силой, противостоящей политическим партиям диаспоры, то и отношение властей к политической деятельности армян диаспоры стало бы более благоприятным. А так, поскольку попытка эта очень скоро провалилась, уже ничто не мешало вновь и вновь твердить об «анахронизме» существования в диаспоре политических партий и политической деятельности вообще.

В данном случае, однако, особый интерес представляет значение и место, отведенное в этом противостоянии Армянской церкви. В 1993 г. в своем докладе на съезде АОД президент обвинил политические партии (именно партии, а не одну партию) диаспоры в расколе церкви, в том, что именно они делают невозможным ее воссоединение и ныне, «...несмотря на самые серьезные намерения двух Католикосов».⁸ Об истинных причинах раскола, о его неизбежности уже говорилось. Здесь обратим внимание на противопоставление президентом политических партий двум Католикосам – Вазгену I и Гарегину II.

Прежде, однако, необходимо сделать одно пояснение. Персонафикация власти в лице президента, особое место, отведенное ему в последующем изложении, не случайны и продиктованы его некоторыми личными чертами, которые, с одной стороны, отличали его от остальных членов высшего руководства страны, а с другой - предопределили его большую вовлеченность в решение вопросов, связанных с церковью. Не касаясь подробностей, которые были бы

7 «Айастан Анрапетутюн», 11 августа 1994 (на арм. яз.).

8 «Айастан Анрапетутюн», 29 июня 1993 (на арм. яз.).

тут неуместны, отмечу только два, наиболее существенных, на мой взгляд, обстоятельства. В ряду близких соратников Л. Тер-Петросяна был человеком особой, непохожей на других биографии. Выросший в семье репатриантов (в момент эмиграции семьи из Сирии в 1946 г. ему был год) и долгое время живший в одном из районов Еревана, преимущественно заселенном такими же репатриантами, он не мог избежать влияния царившей там духовной атмосферы. Следует отметить, что иммиграция в 1946-1948 гг. около ста тысяч армян в Советскую Армению никак не была следствием их приверженности коммунистической идеологии. Идейных коммунистов, таких, как отец Л. Тер-Петросяна – один из основателей сирийской компартии – среди них было немного. Членов же или сторонников партии «Дашнакцутюн» среди них не было совсем - таковым въезд в Армению был просто запрещен. Репатриантами становились с одной целью - жить среди армян, в Армении, пусть даже советской, и в меру своих сил и знаний способствовать развитию своей родины. (Вспомним в этой связи отмеченные выше различия в доминантных установках армян диаспоры в отношении к Советской Армении). Но это, по сути, естественное желание жить на своей родине так и осталось непонятым многими, как простыми обывателями, так и политиками. Усилиями властей между репатриантами и основным населением пролегла невидимая, но повседневно ощущаемая линия отчуждения. Вследствие этого в умонастроениях этих людей надолго укоренилось чувство разочарования и обиды за проявленное к ним отношение советских властей, что с неизбежностью в той или иной мере должно было сказаться на мировоззрении и самого Л. Тер-Петросяна.

Вместе с тем, живя в подобном окружении, он испытал также влияние особого образа жизни и менталитета армян-выходцев из стран Среднего Востока, в том числе их преданности св. Эчмиадзину. Подобное отношение к церкви было подкреплено и профессиональными интересами будущего президента.

Профессиональные интересы были вторым важным отличием Л. Тер-Петросяна от других представителей высшей власти Армении,

большинство которых составляли в прошлом специалисты в области точных или естественных наук, а также бывшие партийные и комсомольские функционеры. Филолог по образованию, ставший специалистом в стенах Института древних рукописей – Матенадарана, преподаватель духовной семинарии св. Эчмиадзина – все это выгодно отличало его в смысле солидных знаний по истории Армении и Армянской церкви. Видимо, не ошибусь, сказав, что впоследствии, в пору президентства, эти знания и отсутствие (относительное, конечно) таковых у его соратников предопределили бóльшую предрасположенность Л. Тер-Петросяна к таким сферам, как внешняя политика, идеология и культура. Однако в такой стране, как Армения, сфера внешней политики при всей ее специфичности, имела (имеет и сейчас) то общее, скажем, с экономикой, что она максимально подвержена воздействию внешних факторов самого разного рода. И наоборот – сфера культуры давала значительно больше возможностей для ведения несколько более самостоятельной политики.

Важной составляющей этой сферы являлся и весь комплекс вопросов, связанных с религией, столь актуальный на всем пост-советском пространстве. Для Армении означенные вопросы были двоякого рода – локальные, связанные с организацией и упорядочением религиозной деятельности в самой стране, и общенациональные или общеармянские, относящиеся, в первую очередь, к взаимоотношениям св. Эчмиадзина и Киликийского Католикосата.

Вне сомнений, Л. Тер-Петросян, как и многие, искренне желал восстановления единства церкви под главенством св. Эчмиадзина. В качестве президента Армении, он осознавал как свою обязанность, так и свои возможности для всемерного содействия успешному его осуществлению.

Вместе с тем, в отличие от многих, он был отлично осведомлен о политической подоплеке раскола Армянской церкви, о событиях 1950-х гг., о значимости Киликийского Католикосата для сохранения авторитета и влияния партии «Дашнакцутюн» в диаспоре.

В контексте жесткого противостояния властей с вернувшимися из диаспоры политическими партиями, восстановление единства

армянской церкви под главенством св. Эчмиадзина приобретало для президента дополнительное, уже сугубо политическое значение, т.к. оно привело бы, с одной стороны, к значительному ослаблению позиций «Дашнакцутюн» как в диаспоре, так и в самой Армении, а с другой – к уменьшению влияния партии «Рамкавар» на епархии св. Эчмиадзина в диаспоре. Тем самым, преодоление схизмы становилось для него некоей сверхзадачей.

Можно предположить, что сама постановка этой сверхзадачи во многом была обусловлена начавшимися после землетрясения 1988 г. визитами в Армению Гарегина II и его встречами с Католикосом всех армян Вазгеном I. Именно эти встречи и озвученную в ходе них идею о необходимости восстановления единства церкви имел в виду президент, говоря о «серьезных намерениях двух Католикосов» и противодействии политических партий диаспоры. И когда спустя год (в 1994 г.) умер Католикос Вазген I и встал вопрос об избрании его преемника, фигура Гарегина II в глазах президента должна была приобрести особое значение. Некогда противник воссоединения церкви, Гарегин, в глазах президента, ныне не только стремился к этому, но также знал, как это осуществить. А посему, его избрание Католикосом Всех Армян с соответствующими полномочиями должно было только способствовать решению этой задачи. При одном, правда, условии – готовности к тому самого Гарегина II.

В формулировке сторонников св. Эчмиадзина это звучало как получение гарантий от Гарегина II, ибо лишь наличие таковых могло оправдать исполнение столь чуждого им желания (воспринятого как решение) президента. «Хотелось бы знать, - писал один из видных деятелей партии «Рамкавар» Е.Азатян, - какие гарантии дал Католикос Гарегин II относительно восстановления единства Армянской церкви. До сих пор он не сказал ничего конкретного. Если он дал тайные гарантии, нам и не надо знать, но хотя бы быть в курсе, что гарантии самые серьезные»⁹. Трудно судить, какого рода гарантии имел в виду Е. Азатян. Странно, однако,

9 «Нор ор», Лос-Анджелес, 8 марта 1995 (на арм. яз.).

другое: в своем пространном анализе весьма короткого интервью президента Азатян не обратил внимания на следующий момент. На вопрос о путях достижения единства церкви президент ответил так: «...Киликийский престол, видимо, еще долго сохранит свое существование, признавая, вместе с тем, главенство св. Эчмиадзина и постепенно ограничиваясь в пределах своих прежних церковных епархий – в Сирии, Ливане и на Кипре»¹⁰. По сути – это не что иное, как условия, на которых должно было произойти воссоединение Армянской церкви. Напомню, что эти слова прозвучали в том же интервью, в котором президент говорил о Гарегине II как о наиболее достойном из всех кандидатов на предстоящих через месяц выборах главы Армянской церкви. Если эти слова и не были согласованы с Гарегиним II, то у него было достаточно времени, чтобы заявить об этом, но с его стороны не последовало никаких комментариев, он лишь дал свое согласие стать кандидатом на выборах.

Происходило весьма знаменательное для современной истории Армянской церкви событие. Позиция Гарегина II, его молчаливое согласие с видением президента Армении путей преодоления раскола церкви, в перспективе должны были привести к принципиальному изменению роли и места Киликийского Католикосата не только в системе Армянской церкви, но и в жизни армянской диаспоры в целом. А это, в свою очередь, неизбежно привело бы к существенному изменению расстановки политических сил в диаспоре. Возвращение Киликийского Католикосата в состояние до схизмы 1956 г. (именно это и означали слова президента) стало бы, помимо всего прочего, мощным потрясением для партии «Дашнакцутюн», поскольку свело бы на нет результаты ее многолетней и успешной деятельности по созданию собственной церковной структуры, альтернативной св. Эчмиадзину.

Вспомним слова президента о препятствиях, чинимых политическими партиями усилиям двух католикосов по воссоединению церкви. Какая из партий – «Рамкавар» или «Дашнакцутюн» – препятствовала

10 «Айк», 8 марта 1995 (на арм. яз.).

Гарегину II, он, однако, не уточнил. Есть все основания полагать, что он имел в виду «Дашнакцутюн», и это естественно и логично, поскольку именно эта партия инициировала раскол и никак не была заинтересована в воссоединении под главенством св. Эчмиадзина. Но из этого следовало, что на сей раз «Дашнакцутюн» препятствует усилиям «своего» же Киликийского Католикоса Гарегина II, или, иначе говоря, последний придерживается позиции, не разделяемой партией «Дашнакцутюн», идет против нее. Чтобы поверить в столь резкий поворот во взглядах Гарегина II, и не только поверить, но и впоследствии всячески содействовать его избранию главой Армянской церкви, у президента должны были быть веские аргументы. И такие аргументы мог предъявить лишь один человек – сам Гарегин II, высокий авторитет которого как богослова и организатора был признан не только в кругах Армянской церкви, но и экуменическим движением (в 1968 г. он был избран членом Центрального правления, а в 1975 г. – вице-председателем Всемирного совета церквей)

Каковы могли быть цели, ради достижения которых стоило поступиться тем, чему Гарегин II столь ревностно служил несколько десятилетий? Их могло быть несколько, из коих отмечу наиболее, на мой взгляд, вероятные: а/ осознание того, что с обретением Арменией независимости раскол церкви более не оправдан и противоречит интересам армянского народа в Армении и в диаспоре, б/ желание, чтобы в памяти людей, в истории церкви с его именем связывался не только раскол, но и восстановление единства Армянской церкви, в/ в его карьере служителя церкви не завоеванной оставалась одна, но самая заветная вершина – престол Католикоса Всех Армян, св. Эчмиадзин. Вершина, на которую до него не смог подняться ни один Киликийский Католикос.

Нетрудно заметить взаимосвязанность и взаимообусловленность всех этих целей, и в этом смысле они – в сумме своей и каждая в отдельности – являлись сверхзадачей, решению которой и посвятил себя Гарегин II. Именно – сверхзадачей, как и в случае с президентом. Казалось, сама судьба свела эти две неординарные личности, чтобы они сообща попытались в преддверии XXI в. придать новый

облик Армянской церкви, а, тем самым, и диаспоре в целом, ее отношениям с Арменией. Именно подобные амбиции объединили этих двух людей, столь различных по возрасту, жизненному опыту, партийно-политическим пристрастиям и даже по психологическому типу (экстравертивный Католикос и интровертивный президент). Они сознавали, что лишь объединив, как главы государства и церкви, свои возможности, они смогут осуществить общую для них цель – воссоединение церкви. Но, когда они уже готовы были приступить к ее осуществлению, та же судьба отвернулась от них. В апреле 1995 г. Гарегин II был избран Католикосом всех армян уже под именем Гарегина I. Но не прошло и трех лет, как президент Л. Тер-Петросян вынужден был заявить о своей отставке, а еще через год после долгой болезни Католикоса настигла смерть.

Однако и в этот недолгий период их одновременного пребывания у власти, они стали свидетелями первых признаков несовершенства своего замысла. И несовершенство это было результатом, с одной стороны, переоценки собственных возможностей, а с другой - недооценки ими сил и возможностей «Дашнакцутюн» и Киликийского Католикосата. Последние в целом весьма индифферентно отнеслись к избранию «своего» католикоса главой Армянской церкви. Они, однако, отлично осознали возросшую в связи с его избранием возможность воссоединения церкви и утраты Киликийским Католикосатом своего статуса. А это уже грозило как неизбежными потерями (политическими, материальными и др.) для каждой из них в отдельности, так и распадом всей возглавляемой ими системы. Известное положение, что первейшей функцией любой системы является функция самосохранения, было подтверждено и в этом случае. Принципиальное значение имело избрание нового Киликийского Католикоса, поскольку от его отношения к вопросу о единстве церкви зависело многое. И очень скоро опасения скептиков стали реальностью: новоизбранный Католикос Арам I последовательно продолжил политику своих предшественников. В ходе своего визита в США в конце 1997 г. он сделал ряд заявлений, которые были расценены как попытка распространить юрисдикцию Киликийского Католикосата на церкви, входящие в состав св.

Эчмиадзина. «После визита Католикоса Арама и его заявлений, ответственные лица местной Киликийской епархии в своих статьях в армянской прессе дали понять, что воссоединение американских епархий – вопрос, который не может быть решен в обозримом будущем».¹¹

А уже в 2001 г., после кончины Гарегина I, Киликийский Католикосат, вразрез с достигнутой ранее договоренностью об отказе от основания новых епархий, предпринял подобную попытку в отношении своих церквей в Канаде, входящих в состав единой епархии Северной Америки и Канады. Реакция св. Эчмиадзина была насколько предсказуема, настолько же негативна. Эта позиция была негласно поддержана и новыми властями Армении, однако, мотивы, которые двигали ими, были несколько иные, чем в случае с Л. Тер-Петросяном.

В противовес прежним лидерам страны, новое руководство вело в отношении диаспоры политику примирения и спустя считанные дни после вынужденной отставки Л. Тер-Петросяна вновь легализовало деятельность «Дашнакцутюн». В свою очередь, партия «Дашнакцутюн», учтя уроки прошлых лет, отказалась от непомерных и непосильных амбиций и стала верным союзником нового президента Р. Кочаряна. Воодушевленные подобным альянсом, власти поддались соблазну сыграть роль объединителя двух частей армянского народа – в Армении и в диаспоре. В данном случае можно говорить еще об одной сверхзадаче, намного более масштабной и амбициозной, чем первая. Более существенно, однако, другое.

Если Л. Тер-Петросян, стремясь к восстановлению единства церкви, тем самым надеялся также нейтрализовать своих политических оппонентов в лице «Дашнакцутюн», то Р. Кочарян, наоборот, приобретает «Дашнакцутюн» – «куратора» Киликийского Католикосата – в качестве союзника, казалось, получал реальные шансы для

11 The Torch Was Passed. The Centennial History of the Armenian Church of America. St Vartan Press, New York, 1998, с. 217.

все того же восстановления единства церкви. (Намеревался ли он воспользоваться такой возможностью или нет – другой вопрос). На этом фоне основание новой епархии Киликийского Католикосата в Канаде параллельно с существующей с 1984 г. епархией св. Эчмиадзина самым серьезным образом ставило под сомнение не только и не столько возможность преодоления схизмы, сколько способность властей сыграть взятую на себя роль объединителя армянского народа. В подобной ситуации власти Армении не могли отреагировать на замыслы Киликийского Католикосата иначе, как негативно.

Показательны, однако, ответные действия Киликийского католикосата. Как бы идя навстречу св. Эчмиадзину и властям Армении, он на первых порах не принял окончательного решения о создании новой епархии, вместе с тем, однако, передав управление своими церквями в Канаде специально назначенному Патриаршему экзарху. Эта двусмысленная ситуация разрешилась в начале 2004 г. объявлением об основании епархии Киликийского Католикосата в Канаде.¹²

Эта очередная «проба сил» происходила в новых исторических условиях, при новых властях – светских и духовных. Она заставляет вспомнить несбывшиеся надежды на преодоление схизмы после распада СССР, отметить ее устойчивый характер и сегодня, когда «Дашнакцутюн» является одной из правящих партий Армении и верным союзником президента, и задуматься над все явственнее прослеживаемыми различиями между двумя частями армянского народа – в Армении и в диаспоре, над самоценностью и самодостаточностью церковно-политических систем в диаспоре.

12 «Азг», 19 марта, 3 апреля 2004 (на арм. яз.).